

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.125-139>
EDN: LJHIWE

УДК 72.03

**О СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ
АРХИТЕКТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ)**

Г.Ф. Валеева-Сулейманова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
valeeva_art@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: дополнить существующие научно-обоснованные нарративы о происхождении каменных мавзолеев Булгарского улуса Золотой Орды.

Материалы исследования: на территории Волго-Уралья, в той или иной степени сохранности, до нас дошли средневековые мавзолеи г. Болгара (Ханская усыпальница, Восточный и Северный мавзолеи) и находящиеся на территории Чишминского района Башкортостана мавзолеи Кэшэнэ (в настоящее время называемый мавзолеем Тура-хана) и Хусейн-бека. Источниками для анализа послужили архитектура и приемы строительства, чертежи планов и разрезов зданий, материалы археологических раскопок описания научных экспедиций XIX в.

Результаты и научная новизна: достоверным и значимым источником в исследовании предстает архитектура золотоордынских мавзолеев на территории г. Болгара и периферии государства ныне на территории Чишминского района Башкортостана. Выявляются специфические черты архитектурного облика зданий мавзолеев, влияния региональных школ мусульманского монументального зодчества. Сравнительные аналогии архитектуры зданий позволили очертить проблему происхождения чишминских мавзолеев и сделать вывод об общности стиля болгарской золотоордынской архитектуры на обширной территории Волго-Уралья.

Ключевые слова: архитектура, монументальное зодчество, строительный материал, конструктивные особенности, объемно-планировочное решение, «мамлюкский срез», айван, портал

Для цитирования: Валеева-Сулейманова Г.Ф. О средневековой болгаро-татарской архитектурной традиции (на примере золотоордынских мавзолеев) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 125–139. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.125-139> EDN: LJHIWE

© Валеева-Сулейманова Г.Ф., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ABOUT THE MEDIEVAL BULGAR-TATAR ARCHITECTURAL TRADITION (IN THE CASE OF GOLDEN HORDE MAUSOLEUMS)

G.F. Valeeva-Suleimanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
valeeva_art@mail.ru*

Abstract. Research objectives: The purpose of the article is to complement the existing scientifically based narratives about the origin of the stone mausoleums in the Bulgar ulus of the Golden Horde.

Research materials: In the territory of the Volga-Ural region, to varying degrees of preservation, we have the medieval mausoleums in the city of Bolgar (Khan's tomb, Eastern and Northern mausoleums). Located in the territory of the Chishminsky district of Bashkortostan, we have the Keshene mausoleum (currently called the Tura Khan mausoleum) and mausoleum of Husain Bek. The sources for this analysis were architecture and construction techniques, drawings of plans and sections of buildings, materials from archaeological excavations, and descriptions from scientific expeditions of the 19th century.

Research results and scientific novelty: A reliable and significant source in the study is the architecture of the Golden Horde mausoleums in the territory of the city of Bolgar and the periphery of the state that is now the territory of the Chishminsky district of Bashkortostan. The specific features of the architectural appearance of the mausoleum buildings and the influence of regional schools of Muslim monumental architecture are revealed. Comparative analogies of the architecture of buildings make it possible to outline the problem of the origin of the Chishma mausoleums and draw a conclusion about the common style and traditions of Bulgarian Golden Horde architecture over the vast territory of the Volga-Ural region.

Keywords: architecture, monumental architecture, building material, design features, space-planning solution, "Mamluk section", ivan, portal, vaulted and pyramidal tromp, dome, vault

For citation: Valeeva-Suleimanova G.F. About the Medieval Bulgar-Tatar Architectural Tradition (in the case of Golden Horde Mausoleums). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 125–139. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.125-139> (In Russian)

На территории Волго-Уралья, в той или иной степени сохранности, до нас дошли средневековые мавзолеи г. Болгара (Ханская усыпальница, Восточный и Северный мавзолеи) и находящиеся на территории Чишминского района Башкортостана мавзолеи Кэшэнэ (в настоящее время называемый мавзолеем Тура-хана) и Хусейн-бека. Постройки Чишминских мавзолеев очерчивают северо-восточные границы Булгарского улуса Золотой Орды; они находятся на территории левобережья реки Демы в бассейне рек Ик и Белой.

Мавзолеи города Болгара достаточно хорошо изучены и не вызывают научных споров с точки зрения их принадлежности к золотоордынскому наследию как в археологическом, так и в архитектурном отношении [1; 3; 6; 10; 11; 12; 19; 20; 21; 23]. В отличие от чишминских мавзолеев, которые стали в последнее время объектами тенденциозного к ним подхода и возникающих по этому поводу дискуссий.

Цель данной статьи – раскрыть специфику архитектуры мавзолеев, поддерживающую их датировку и происхождение, ввести в научный оборот некоторые новые данные, подкрепляющие позиции изучавших их исследователей.

Проблема происхождения чишминских мавзолеев и их архитектуры получила актуальность в наши дни вследствие обозначившейся среди отдельных исследователей попытки отнесения их к кочевой культуре «башкирской» степи. Данная позиция появилась в противовес более чем полувековым исследованиям нескольких поколений российских учёных, отнесших данные мавзолеи к болгаро-татарской архитектурной традиции, к кругу памятников Золотой Орды.

Основная цель статьи – на основе данных, опирающихся на исследования архитектуры мавзолеев и их историко-культурный фон, отражающий пути формирования болгаро-татарской традиции монументального зодчества, дополнить существующие научно-объективные нарративы об их происхождении. Актуальность работы обусловлена тем, что в новых, искусственно созданных, научных реалиях, достоверным и значимым источником предстаёт архитектура, ее сравнительные аналогии с мавзолеями, построенными городским населением золотоордынского г.Болгара. Ставятся задачи соотнесения используемых для строительства материалов, способов возведения зданий, выявления общности объёмно-планировочных решений, инженерных конструкций и образно-стилевого подобию. Сопутствующими архитектуре источниками в решении обозначенной проблемы являются также опубликованные в последнее десятилетие труды ряда археологов, которые на основе современных методов изучения позволяют уточнить полученные результаты. Надо заметить, что вопрос датировки чишминских мавзолеев не вызывает серьёзных научных споров, поскольку она была принята преобладающим большинством советских и российских ученых, изучавших мавзолеи с середины прошлого века, и обоснованно закреплена XIV веком. При этом не только, исходя из сходства чишминских мавзолеев с архитектурой зданий г.Болгара, но и благодаря исследованиям, выявленных в мавзолеях погребений и сохранившихся эпитафий как внутри мавзолея Хусейн-бека, так и на близлежащей к нему территории кладбища.

Следует сразу отметить, что библиография трудов ученых по истории изучения и описаниям рассматриваемых нами мавзолеев подробно приведена уфимским археологом Г.Гарустовичем [11], приложившим усилия к их комплексному изучению.

В данной статье основное внимание сосредоточено на источниках, представляющих ценность с точки зрения архитектурного аспекта выбранной нами проблематики. Во-первых, к ним относятся документальные свидетельства о наиболее ранних постройках мавзолеев, заставших их без позднейших перестроек. Во-вторых, изыскания краеведов и архитекторов, представляющие чертежи и обмеры зданий, их профессиональные описания [15; 16; 22]. В третьих, это выборочный комплекс источников с той или иной научной информацией, по-новому раскрывающей аспекты архитектурной проблематики.

Среди двух чишминских мавзолеев к наиболее сохранившимся, с точки зрения определения достоверной архитектуры построек, надо отнести мавзолей Кэшэнэ, в настоящее время бытующий под названием мавзолея Тураhana. По крайней мере, в трудах большинства ученых XX в. мавзолей приво-

дится именно под названием Кэшэнэ [18, с. 13; 19, с. 111; 23, с. 119]. Оно было расшифровано татарским ученым Г.В. Юсуповым: «Мавзолей этот в народе носит название *Кэшэнэ*, что, несомненно, образовано из тюркского *кэшэк* (В.В.Радлов) *тлен, прах* и персидского *ханэ – дом – дом праха – усыпальница*» [23, с. 119]. Личность Тура-хана большинством исследователей признается вымышленной и мифической. Мавзолей Кэшэнэ в архитектурном отношении хорошо сохранился, и дает материал для сравнительных аналогий с архитектурой болгарских усыпальниц.

Другой мавзолей – Хусейн-бека был перестроен в 1911 году и утерял ряд характерных времени его постройки конструктивных особенностей [16, с. 120]. Он возведен на высоком холме в центре старинного некрополя «Ак зират» («Белое кладбище»), название которого само за себя свидетельствует о захоронении здесь родовитых татарских семей. Об этом удостоверяют и формы надгробий, их надписи и орнаментальный декор. Внутри самого мавзолея находится эпитафия, подкрепляющая родословную Хусейн-бека и дату его смерти, обозначенную 1339 годом¹. Надпись на камне, в форме татарского каберташа (надгробия), была прочитана Г.В. Юсуповым [23, с. 118–119. Табл. 8].

Около Кэшэнэ выявлены остатки фундамента еще одного, ныне утерянного мавзолея, получившего в литературе название Малый мавзолей или Малый Кэшэнэ [19, с. 109].

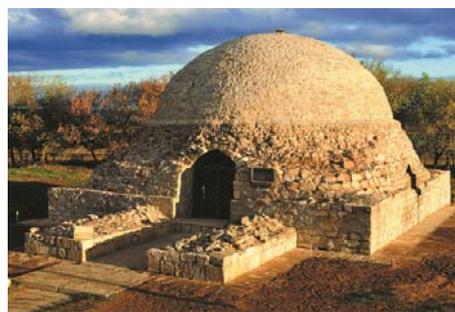
Перейдем к общему историческому контексту, касающемуся данных мавзолеев. Все они построены из камня и относятся к объектам монументального зодчества. Возникновение и становление данного зодчества, как известно из истории мировых цивилизаций, происходит в мощных и процветающих странах, обладающих государственной идеологией и связанных с нею эстетических воззрений. Оно является достижением высокого уровня развития ремесленного производства, на основе которого только и могли возникнуть такого рода архитектурные объекты.

Именно таким экономически мощным и процветающим государством, на территории которого были построены не только данные мавзолеи, но и обширные градостроительные комплексы с мечетями, текие (ханаки), дворцами знати, городскими усадьбами, банями и другими сооружениями являлась Золотая Орда. В XIII–XIV вв. это было государство с интенсивным градостроительством, в его городах была развернута широкая архитектурно-строительная деятельность, о чем как раз и свидетельствуют постройки города Болгар, названного его современниками «золотым тронем джучидских ханов» [21, с. 167].

Каждая эпоха и цивилизация дают свои стили и формы в архитектуре монументальных зданий. Их возникновение и закладываемый в них образ возникают благодаря закону действующей иерархии: заказчик – архитектор – строитель. Заказчиком в средневековье, как правило, выступает государство в лице его правителя. Архитектор и строитель отражают его идеологические запросы и сложившиеся архитектурно-художественные и ремесленные традиции данного государства в области возведения монументальных сооружений. Сохра-

¹ По последним уточнениям эпиграфиста А.М. Гайнутдинова, Хусейн-бек скончался в 1344 г. Более подробно см.: Гайнутдинов А.М. Эпитафия на памятнике Хусейн-беку // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 168. (прим. гл. ред.).

нившиеся постройки г.Болгара выявляют направление развития болгаро-татарского зодчества в русле тюркской мусульманской архитектуры [13, с. 29]. Надо учитывать, что в средневековой исламской архитектуре были выработаны передовые для своего времени строительно-конструктивные формы, которые повлияли и были восприняты зодчими многих стран. Это справедливо и по отношению архитектуры города Болгара, в которой отразились влияния основных школ мусульманского зодчества, на чем мы остановимся позже.

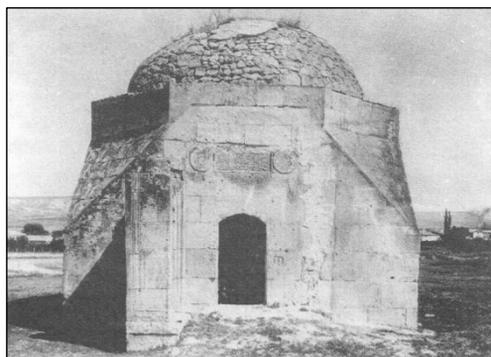

Северный мавзолей в Болгаре.
Современный вид.
Northern Mausoleum in Bolgar.
Modern look.

Восточный мавзолей в Болгаре.
Eastern mausoleum in Bolgar.

Мавзолей Кэшэнэ, ныне называемый мавзолеем Тура хана. Современный вид.
Mausoleum of Keshene, now called the Mausoleum of Tura Khan. Modern look.

Мавзолей Мухаммед-Шах бей
в Азисе, Крым.
Mausoleum of Muhammad Shah Bey
in Azis, Crimea.

Мавзолей Хусаин-бека. Современный вид.
Mausoleum of Husain Bek. Modern look.

Фрагмент минарета мечети Амира
аль-Маридани в Каире
с «мамлюкским срезом».

Fragment of the minaret of the Amir
al-Maridani Mosque in Cairo
with a “Mamluk section”.

Чишминские мавзолеи входят в круг памятников, относящихся к золотоордынской болгаро-татарской архитектурной школе, что признает, как мы уже отмечали, подавляющее большинство исследователей. Данные мавзолеи свидетельствуют о размахе архитектурно-строительной деятельности на территории Волжской Булгарии, которая с XIII в. была улусом Золотой Орды. Исследователи связывают строительство мавзолеев на территории болгарской периферии золотоордынского государства с усилением в XIII–XIV вв. роли ислама и с традицией почитания мусульманских святых, как одного из укрепляющих его факторов [21, с. 58]. По – крайней мере, манифестация ислама как господствующей религии и принятие ее населением государства отражает традицию захоронения мусульманской знати в мавзолеях. Архитектура этих мавзолеев имеет определенное сходство с такого рода строениями в тех мусульманских странах, в которых получили развитие традиции каменного зодчества и с которыми у золотоордынского общества были установлены тесные взаимоотношения.

Итак, какие общие архитектурно-строительные, технико-конструктивные и образно-стилевые черты позволяют отнести данные сооружения к болгаро-татарскому наследию и в чем специфика стиля болгаро-татарской архитектуры?

Поскольку архитектура базируется на развитой индустрии строительных материалов, то она определяется сложившимися традициями в возведении зданий из тех или иных материалов. Для школы болгаро-татарского зодчества характерно строительство сооружений из природного известнякового камня, добывавшегося в местечке Сюкеево на противоположном от г.Болгара берегу Волги, в отличие, например, от других провинций Золотой Орды, в которых из-за отсутствия залежей природного камня установилась традиция строительства общественных зданий из обожженного кирпича. Именно возведение

строений из камня и определило характерные особенности болгаро-татарской архитектурной традиции.

Мавзолеи г. Болгара построены в характерной технике строительной кладки из природного камня и известкового туфа. Кладка основных стен из обработанных квадров и, как правило, неправильной формы камней является специфической чертой именно построек мавзолеев, как болгарских, так и чишминских. В отличие от кладки других монументальных зданий города Болгара, возведенных из хорошо отесанных и плотно пригнанных друг к другу блоков [4, с. 51], стены мавзолея Кэшэнэ выложены из грубого известнякового и песчаникового камней, имеющих разную величину (отдельные камни имеют размеры до 1 метра в поперечнике и до 0,6 метра в высоту); они подтесаны незначительно [15, с. 14]. Таким же камнем на известковом растворе были выложены и стены несохранившегося Малого мавзолея. Но, сама система кладки, как и в болгарских мавзолеях, отличается хорошим техническим уровнем исполнения, о чем свидетельствует сохранность стен и конструкций. В возведении стен, как и в болгарских зданиях, использовалась полубутовая система кладки с возведением двух параллельных стенок (толщина стен 1,1 м), пространство между которыми заполнялось мелким камнем и щебнем, залитым известковым раствором [11, с. 167].

К особенностям кладки чишминских и болгарских мавзолеев относится распределение ее нагрузки с учетом конструктивных частей здания. Нижние части стен выложены из крупных по размерам камней в то время, как верхние – из менее крупных. Для кладки внешнего и внутреннего куполов, обрамлений дверей и окон, арочных порталов использовали более легкий туф. На территории Башкортостана залежей туфа не обнаружено. Г. Гарустовичу удалось осуществить петрографический анализ туфа в куполе мавзолея Кэшэнэ. Он показал, что камень привезен с Волги, из окрестностей г. Болгара. Это хорошо известное Сюкеевское месторождение, откуда вывозился также камень для строительства храмов Владимиро-Суздальского княжества, о чем писал еще В.Н. Татищев в «Истории Российской».

О высоком уровне развития строительных технологий, отсылающих к мавзолеям Болгара, свидетельствует сложная в исполнении радиальная кладка внутреннего сводчатого купола мавзолея Кэшэнэ, а также кладка, окаймляющая полуциркульные арочные завершения входных порталов и оконных проемов. Строительные приемы возведения монументальных сооружений г. Болгара (кладка стен, куполов) аналогичны сирийским, египетским, малоазиатским и закавказским (Азербайджан) постройкам, т.е. эта система была характерна для многих стран мусульманской архитектуры [8, с. 43].

Теперь перейдем непосредственно к архитектуре чишминских мавзолеев. Сохранившимся почти без изменений (за отсутствием завершения шатра) является мавзолей Кэшэнэ.

Мавзолей Хусейн-бека в первоначальном виде не сохранился. От старого здания до нас дошла лишь подземная часть фундамента. Старые стены были разобраны. Однако в 1845 году, когда здание еще сохранялось, но уже без сводчатого купола, краеведом В.С. Юматовым были сделаны его архитектурные обмеры [22, с. 3]. Чертежи опубликованы и представлены планом и разрезом здания [15, с. 8, 9].

Надо отметить, что мавзолеем Хусейн-бека, как и все болгарские мавзолеи, имел в плане квадрат размерами 8 на 8 метров и по чертежу его разреза отчетливо видно, что здание переходит от четверика к восьмигранному яруссу, а затем через тромпы к полукругу свода. Его высота составляла 4,2 м. После перестройки изменились и внешняя и внутренняя архитектура здания – исчезли полусферические тромпы в интерьере, здание лишилось восьмигранного пояса и характерной для болгарской золотоордынской архитектуры системы ярусности. Сохранился установленный внутри мавзолея надгробный камень. П.Рычков, посетивший мавзолеем в 1771 году, описывая Кэшэнэ, а за ним и мавзолеем Хусейн-бека отметил, что последний во всем подобен первому и «подобны они мавзолеям города Болгара» [18, с. 103].

Что объединяет архитектуру мавзолеев? Небольшие по размерам здания выделяются простотой и целостным выражением архитектурной идеи. В объемно-пространственном решении они относятся к центрически-купольным или центрически-шатровым сооружениям, к которым с южной (в мавзолее Кэшэнэ – восточной) стороны примыкали, выстроенные из камня в той же системе кладки преддверия – айваны. Пристройки входных айванов и порталов по сложившейся архитектурной логике не меняют существа объемно-пространственного решения здания [17, с. 228]. Как справедливо замечают исследователи, «только объемная планировка раскрывает сущность архитектурного замысла, позволяя видеть массы в пространстве» [17, с. 223]. В мавзолее Кэшэнэ айван, примыкает к фасадной стене постройки, имеет сводчатое перекрытие на высоте 3,4 метра, а также порталную арку, которая лаконично выражена на фасаде, что в целом не меняет центрическую объемно-пространственную архитектуру мавзолея. В.С. Юматов, при осмотре здания в 1845 году, обнаружил внутри айвана, по двум сторонам стен, пристроенные к ним каменные лавки, что свидетельствует о его определенном функциональном назначении. Остатки стенок от разрушенного айвана просматриваются на фотографиях мавзолея Хусейн-бека, сделанных в 1870-х гг. [11, с. 198].

Итак, для мавзолеев характерна единая объемно-пространственная композиция; в основе их плана лежит квадрат. Центрическая композиция квадрата с геометрическим равенством осей архитектурно оформляется в объем куба, который переходит в промежуточный восьмигранный ярус. Он служит опорой для внутреннего полусферического свода здания, который покрывается восьмигранным шатром, завершающим композицию здания. Как и ряд других монументальных построек Болгара, архитектурная композиция мавзолеев характеризуется ярусностью геометрических объемов. Только во внешнем объеме здания Ханской усыпальницы восьмигранный ярус не выявлен на фасаде здания, хотя он устроен в его внутреннем пространстве с теми же пирамидальными тромпами при переходе от стен к сводчатому куполу.

Болгарские и чишминские мавзолеи имеют одинаковую планировку, в основе которой лежит квадрат. Размеры стен квадратов варьируют в пределах от минимальных 6 на 6 метров (в Кэшэнэ) до максимальных 13 на 13 метров (в Северном мавзолее г. Болгар). Размеры внутреннего помещения 4,4 на 4,4 метра. Ханская усыпальница в г.Болгар и мавзолеем Хусейн-бека имеют почти одинаковые внешние размеры квадрата (по 8,5 метра). По обмерам В.Юматова уточненный размер основания мавзолея Хусейн-бека, до его перестройки, имел размеры – 8,4 на 8,4 метра [22, с. 3].

По объемно-планировочному решению мавзолее можно также отнести к типу однокамерного портално-купольного сооружения. Вход в мавзолей Кэшэнэ оформлен слабо выраженной небольшого подъема стрельчатой аркой. В отличие от классической полуциркульной формы, арка входа тяготеет именно к стрельчатой. Об этом свидетельствуют как натурные фотографии, так и описание арки, данное архитектором Б.Калимуллиним [15, с. 20]. Г.Гарустович [11, с. 159] также подтверждал «тенденцию приобретения арками порталной ниши стрельчатого контура». Стрельчатая арка, как известно, является характерным для мусульманской архитектуры мотивом. Кроме того, с лицевой стороны арки сохранилась неглубокая ниша, где по рассказам старожилов [15, с. 20] середины прошлого столетия, была каменная вставка с арабской надписью, по типу оформления порталов в памятниках архитектуры г. Болгара (Соборная мечеть, Малый минарет).

В Кэшэнэ пристройка айвана произошла позже, т.к. просматривается неплотное примыкание его к основной стене. По наблюдениям архитектора Б.Калимуллина, он не имеет следов фундамента, и мавзолей первоначально принадлежал к типу центрически-купольного беспортального здания. Это было подтверждено и археологическими раскопками Г.Гарустовича, который также считает, что айван был пристроен позже. Малый, разрушенный мавзолей, который был в комплексе с Кэшэнэ, также имел квадратную форму плана и отсутствие каких либо следов фундамента от портала.

Айван с порталной аркой имеет большое значение в определении эволюции архитектурного типа мусульманских мавзолеев. Он является отличительным признаком архитектуры болгаро-татарских мавзолеев, свидетельствующим о приверженности золотоордынских зодчих тюркской архитектурной традиции. Квадратные в плане, центрически-купольные беспортальные мавзолеи были характерны для архитектуры эпохи господства Хорезмшахов в Средней Азии (к примеру, мавзолей Саманидов в Бухаре и др.). Они были отнесены исследователями к стилю «восточного классицизма», характеризующего мусульманскую монументальную архитектуру домонгольского времени [14]. Именно «куб с куполом» и центрически выстроенная композиция зданий мавзолеев соответствуют традиции «раннемусульманской» архитектурной школы, которая, по мнению историков архитектуры, развивалась на территориях с иранским населением, или близких к ним. В мавзолеех данной архитектурной традиции монументальность облика достигалась центрической композицией главного объема.

Портал с выраженной декоративной функцией, за которым часто скрывается архитектурный объем фасада, получил преимущественное развитие на территориях с мусульманским тюркским населением (наиболее ранним памятником портално-купольной архитектуры, является мавзолей Араб-ата, построенный в конце X в. на территории Мавераннахра). Сам процесс эволюции от «иранского» типа центрически-купольного мавзолея к развитому «тюркскому» типу портално-купольного мавзолея охватывает территории с тюркским населением в основном с XII в. Примером наиболее развитого типа таких мавзолеев является мавзолей Текеша в г.Куныя-Ургенч, датированный концом XII – началом XIII вв. В 1221 году город был взят монгольскими войсками и не исключено, что порталный тип мавзолеев распространился

вследствие монгольских завоеваний и передвижения тюркских племен на запад. Хотя данная гипотеза требует дополнительных исследований.

Возвращаясь к нашим мавзолеям, мы можем констатировать, что порталы в них не имели того самодовлеющего значения, как это было характерно для среднеазиатских и особенно сельджукских порталов. О процессах развития форм портално-купольного типа в архитектуре мавзолеев не только г.Болгар, но и Азербайджана и Крыма писал Б.Засыпкин [14, с. 33]. По раскопкам мавзолеев в г. Болгаре, которые все имели преддверия – айваны, и чишминских построек, из которых айван сохранился в мавзолее Кэшэнэ, все они могут быть отнесены к памятникам мусульманской общетюркской архитектурной традиции. Болгаро-татарская региональная специфика выражена в размерах и форме порталов. Судя по архитектуре Кэшэнэ, портал не довлел над формами центрической архитектуры. Обычно в среднеазиатских порталных мавзолеях ширина портала соответствует ширине фасада и закрывает его переднюю стену; сельджукские порталы отличаются насыщенными декоративными формами со сталактитовыми нишевыми сводами и др. Строгость обрамлений в порталах как болгарских, так и чишминских мавзолеев близка, например, порталной арке мавзолея Мухаммед-Шах бея в Азисе, что в окрестностях г.Бахчисарая в Крыму. Об этом писал исследователь болгарской и крымско-татарской архитектуры Ф.Х. Валеев [7, с. 152].

Общность в архитектуре болгарских и чишминских мавзолеев наиболее ярко выражена в специфике их объемно-пространственного решения. Кубовидный объем первого яруса – четверик через треугольные скосы так называемые «мамлюкские срезы» на фасадах и пирамидальные или сводчатые тромпы в интерьерах переходит в восьмигранный промежуточный ярус, который служит основанием для полусферического купола. Мавзолеи в инженерно-конструктивном решении являются прекрасными образцами в строительстве ярусных сооружений с кубическим основанием, переходящим в многоугольный объем через особые формы треугольных срезов, называемых в литературе «сельджукскими», и некоторыми из археологов, необоснованно, причисляемых к явлениям армянского зодчества. О влиянии «армянско-малоазийской» архитектуры на облик болгарских мавзолеев, опираясь на мнение некоторых авторов (например, Э.Д. Зиливинской) пишет также Г. Гарустович [11, с. 117]. Однако в армянской и сельджукской архитектуре треугольные скосы используются в башенных мавзолеях (к примеру, Мавзолей Денер в Кайсери, 1276), и, в отличие от болгарских мавзолеев, они устроены в нижней (почти у основания) части здания. В болгарских и чишминских мавзолеях треугольные скосы используются на высоте завершения кубовидного яруса здания при переходе от четверика к восьмиграннику, и обоснованно отнесены исследователями к формам «мамлюкского среза», поскольку в таком качестве встречаются в египетской архитектуре времен правления мамлюкских султанов (мечеть Хасана в Каире 1356 г., мавзолеи и др.). О переоценке роли Армении в архитектуре болгарских сооружений и об отсутствии достаточных для этого оснований писали ранее такие авторы, как В.В. Егерев и И. Березин [5; 13]. Они обращали внимание на влияние архитектуры Ирана и Азербайджана, отсылая к формам мусульманского зодчества.

О преобладающем влиянии на золотоордынскую болгарскую архитектуру мамлюкского Египта, Крыма и Малой Азии (сельджуки) на основе сравнитель-

ных материалов писали Б.Засыпкин (14) и, основываясь на его выводах, Ф.Х. Валеев [7; 8]. Во взаимоотношениях с Египтом важную роль играл золотоордынский г.Болгар. Об этом свидетельствуют не только архитектурные элементы болгарских зданий, но и археологические находки в Болгаре фрагментов египетских тканей, вышивок, украшений [9, с. 42]. Здесь же следует упомянуть письменные источники об обмене посольствами между двумя государствами и о поддержке Египтом политики исламизации населения Золотой Орды [2].

В мусульманской архитектуре – свод и купол были основными архитектурными формами монументальных культовых сооружений. Мавзолеи относятся к кругу сводчатых и шатровых купольных сооружений, возведение которых было возможно лишь при высоком уровне развития технологии строительства монументальных зданий. Для этого требовались сложные математические расчеты при построении кривизны сводов и опоры тяжести на стены и арки, распора их на тропы и треугольные скосы. Для получения кривой нужного профиля свода здания, по мнению исследователей, могли служить специально изготовленные гнутые лекала.

Математическими расчетами также достигалась пропорциональность размеров зданий, что было характерным явлением для многих построек мусульманского зодчества. При строительстве Кэшэне в его пропорции был положен единый модуль, равный 110 см [16, с. 112].

Высота стен мавзолея Кэшэнэ от пола до купола по обмерам Б. Калимуллина составляет 3,3 метра. Высота подкупольного пространства 5,4 метра. Над сводом возвышается восьмигранный пирамидальный шатер. Тем самым, мавзолеи имели двойной купол. Внутренний полусферический купол заменяет потолок, а внешний пирамидальный – крышу. Интересно проследить эволюцию в конструкции здания от полусферического купола к пирамидальному шатру. Первый известен в тюркской мусульманской архитектуре домонгольского и золотоордынского времени. Второй исследователи связывают с сельджуками и некоторые, в основном археологи, с влиянием древнеармянского зодчества (см. ранее). Хотя надо заметить, что форма шатра является одной из древнейших в жилищной архитектуре тюркских и монгольских народов. Ранний шатер зафиксирован в архитектуре мавзолея Атаббаб 1162 г. в г.Нахичевани.

В мусульманской архитектуре купола возводятся на квадратном, многогранном и круглом основании. Двойная оболочка купола распространяется с XII в. Такая конструкция диктовалась практическими соображениями – защитить внутренний купол от непогоды, так и эстетическими – достижением выразительного силуэта постройки. Эти две оболочки сближались у основания до полуметра и расходились в вершине.

Внешний восьмигранный шатер достоверно, опираясь на натурные обследования, завершал здание Ханской усыпальницы и Восточного мавзолея в Болгаре. Восьмигранный же шатер возвышался над сводом мавзолея Кэшэнэ. Он был частично разрушен после 1840-х гг. [15, с. 14]. П.Рычков в 1772 году описывает оба чишминских мавзолея с сохранившимися пирамидальными шатрами. Есть одна присущая шатровым покрытиям болгарских мавзолеев примечательная и, в нашем случае очень существенная, конструктивная деталь. Это устройство квадратных отверстий в основании каждой из восьми граней внешнего купола над карнизом. Такие отверстия, по-видимому, пред-

назначались для вентиляции и отвода конденсата с междупольного пространства. В мавзолее Кэшэнэ они тоже были устроены и выявлены Б. Калимуллинским, обратившим на них внимание [15, с. 16].

Плоскости стен болгарских мавзолеев оживлены арочными окнами с полуциркульными или стрельчатыми завершениями. В мавзолее Кэшэнэ сохраняется такая же система оформления стен, которые на первом основном ярусе прорезаны прямоугольными окнами с характерными арочными завершениями. Внутри все мавзолеи были оштукатурены и украшены орнаментальным подкупольным поясом. Основной акцент в оформлении интерьеров падает на тромпы, и особое значение играет символика подкупольного пространства. Стены были оштукатурены в белый цвет, что так же соответствует традиции монументального зодчества болгарской архитектуры (вспомним белые гипсовые стены Черной Палаты). Сейчас из всех элементов внутреннего оформления Кэшэнэ сохранилась только отделка купола. Сообщается о том, что в помещении мавзолея некогда вела дубовая дверь с богатой резьбой [15, с. 20].

Стилистические особенности архитектуры мавзолеев сложились на основе разработанных, в предшествующий золотоордынскому периоду, архитектурно-композиционных, строительно-конструктивных и иных приемов, нашедших отражение в археологических остатках г. Биляра, дворца в г. Суваре, башне Чертово городища и других. В домонгольское время выявляется влияние Средней Азии (Хорезм) с ее архитектурой зданий из кирпича и центрическими формами композиций, анализ которых приведен выше.

В золотоордынское время преобладающее значение получает архитектура камня, влияние мусульманской культуры Египта, Малой Азии и Кавказа. Б. Засыпкин писал, что «архитектурные формы каменных строений эпох сельджуков и египетских мамлюков находим в Азербайджане, Крыму и Болгарях», ссылаясь в качестве примера на наличие в постройках «мамлюкского среза» [14, с. 39–40]. По его мнению, Азербайджан и Крым являлись путями проникновения каменной строительной культуры «в северные мусульманские окраины, по водным путям, по Волге в Болгары и по Черному морю через Крым» [14, с. 39]. Об этом, наряду с другими монументальными постройками г. Болгара, убедительно свидетельствуют архитектурные черты рассмотренных нами мавзолеев.

Результаты исследования. Собственные, выработанные на протяжении веков традиции, и освоение прогрессивных достижений в строительстве и архитектуре крупных государств мусульманского мира, способствовали созданию, сложившегося в золотоордынское время, болгаро-татарского архитектурного стиля. Для этого стиля характерны лаконизм и обобщенность формы без измельчения основных масс, геометризм объемов, ярусность композиции и согласованные математическими расчетами соразмерные пропорции зданий и их частей, взаимосвязь между архитектурной конструкцией и элементами декора. Пластически-образная выразительность зданий достигается за счет системы кладки, использования куполов, сводов, шатров, арочных конструкций, тромпов, треугольных скосов и др. Своеобразие архитектурного облика выразилось в соразмерных человеку пропорциях, которые при этом не нарушают впечатления величественности и монументальности зданий.

Ярким свидетельством развития сложившейся в Среднем Поволжье и распространенной на территорию Приуралья традиции болгаро-татарского

зодчества, является ее связь с архитектурой Крыма и мамлюкского Египта. В золотоордынских болгарских, крымских мавзолеях из камня применяется одинаковый конструктивный прием такой, как «мамлюкский срез». Он используется в архитектуре чишминских мавзолеев, свидетельствуя об общности архитектурно-строительной школы.

Комплексы культовых сооружений из камня в центре Башкирии не могли появиться случайно и тем более относиться к кочевой культуре. Они отражают уровень развития государственной идеологии, экономики, строительной культуры, которые могли быть достигнуты в условиях оседлой цивилизации, свидетельствуют о том, что границы строительной деятельности Булгарского улуса Золотой Орды были расширены до пределов Приуралья. Именно в это время получили расцвет ярусные сооружения с шатрами и порталами, тропами и «мамлюкским срезом» и другими архитектурно-конструктивными элементами, присущими магистральному направлению развития тюркской мусульманской архитектуры – архитектуры экономически развитых государств с феодальной идеологией. Анализ позволил выявить архитектурные и конструктивные особенности построек мавзолеев, которые, повторяют и представляют один и тот же тип золотоордынских болгаро-татарских сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Гл. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 5–149.
2. Амин-аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. 40 с.
3. Баранов В.С., Кавеев М. М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М: Наука, 2001. С. 176–199.
4. Башкиров А.С. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928. 118 с. Приложения в виде таблиц.
5. Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского ун-та. Казань, 1852. Кн. 3. С. 74–160.
6. Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марий. книгоиздат, 1975. 213 с.
7. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 166 с.
8. Валеев Ф.Х. К истории архитектуры волжских болгар XIII–XIV вв. // Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань: Изд. Казан. ун-та. 1965. С. 40–44
9. Видонова Е.С. Ткани и шитье из раскопок в Болгарах // КСИИМК. Вып.21, 1947. С. 112–117.
10. Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астрахан. гос. ун-та. Астрахань: Изд-во АГУ, 2003. С. 110–119.
11. Гарустович Г., Нечвалода А. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана. Уфа: Китап, 2020. 400 с., илл.
12. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: Справочная книга. Пет-роград: изд. Б.А. Суворина, 1917. 744 с.

13. Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 360–391.
14. Засыпкин Б. Памятники монументального искусства советского Востока // Художественная культура советского Востока. М.-Л.: Academia, 1931. С. 21–52
15. Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии. Вып. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 36 с.
16. Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа: Башкнигоиздат, 1978. 131 с. (Глава IV).
17. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., изд-во Искусство, 1965. 688 с. с илл.
18. [Рычков Н.П.] Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Ч. 2. СПб.: Тип-я АН, 1772. 189 с.: прил.
19. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсмана, С.С. Неуструева / Сост. Ф.Н. Мильков. М.: Географгиз, 1949. С. 42–204.
20. Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1952. 160 с.
21. Смирнов А.П. Волжские болгары. Труды ГИМ. Вып. 19. М., 1951. 295 с.
22. Юматов В.С. Древние памятники на земле башкирцев Чубиминской волости // Оренбургские губернские ведомости. 1848. № 1–2, 5.
23. Юсупов Б.Г. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960. 322 с.

REFERENCES

1. Aidarov S.S. Research and restoration of monuments of monumental architecture of Bolgar. *City of Bolgar: Monumental construction, architecture, landscaping*. Ed.-in-chief G. A. Fedorov-Davydov. Moscow: Nauka, 2001, pp. 5–149. (In Russian)
2. Amin al-Kholi. Connections between the Nile and Volga in the 13th and 14th centuries. Moscow, 1962. 40 p.
3. Baranov V.S., Kaveev M.M. Archaeological study of the mausoleums of the central part of the Bolgar settlement. *Bolgar City: Monumental construction, architecture, landscaping*. Responsible ed. G. A. Fedorov-Davydov. Moscow: Nauka, 2001, pp. 176–199. (In Russian)
4. Bashkirov A.S. Monuments of Bulgar-Tatar culture on the Volga. Kazan, 1928. 118 p. Applications in the form of tables (In Russian)
5. Berezin I.N. Bolgar on the Volga. *Scientific notes of Kazan University*. Kazan, 1852. Book 3, pp. 74–160. (In Russian)
6. Valeev F.Kh. Ancient and medieval art of the Middle Volga region. Yoshkar-Ola: Mari. book publishing, 1975. 213 p. (In Russian)
7. Valeev F.Kh., Valeeva-Suleimanova G.F. Ancient art of Tatarstan. Kazan: Tatknigoizdat, 1987. 166 p. (In Russian)
8. Valeev F.Kh. On the history of architecture of the Volga Bulgars in the 13th–19th centuries. *Questions of history, philology and pedagogy*. Kazan: Kazan State University, 1965, pp. 40–44 (In Russian)
9. Vidonova E.S. Fabrics and sewing from excavations in Bolgar. *Brief communications from the Institute of the Material Culture History (KSIIMK)*, Iss. 21, 1947, pp. 112–117. (In Russian)
10. Vasiliev D.V. Mausoleums of the Golden Horde: geographical overview and typology experience. *Scientific notes of Astrakhan State University*. Astrakhan: ASU Publishing House, 2003, p. 110–119. (In Russian)

11. Garustovich G., Nechvaloda A. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan. Ufa: Kitap, 2020. 400 p. (In Russian)
12. Dobrokhotov F.P. Ural Northern, Middle, Southern: Reference book. Petrograd: ed. B.A. Suvorin, 1917. 744 p. (In Russian)
13. Egerev V.V. Architecture of the city of Bolgar. *Materials and research on the archeology of the USSR (MIA)*. No. 61. Proceedings of the Kuibyshev archaeological expedition. Vol. 2. Rep. ed. A. P. Smirnov. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958, pp. 360–391. (In Russian)
14. Zasyrkin B. Monuments of monumental art of the Soviet East. *Artistic culture of the Soviet East*. Moscow-Leningrad: Academia, 1931, pp. 21–52. (In Russian)
15. Kalimullin B.G. Architectural monuments of Bashkiria. Vol. 1. Ufa: Bashknigoizdat, 1956. 36 p. (In Russian)
16. Kalimullin B.G. Bashkir folk architecture. Ufa: Bashknigoizdat, 1978. 131 p. (Chapter IV) (In Russian)
17. Pugachenkova G.A., Rempel L.I. The History of Uzbekistan Art from Ancient times to the middle of the Nineteenth Century. Moscow: Iskusstvo, 1965. 688 p., ill.
18. Rychkov N. Daily notes of Captain N. Rychkov's journey through different provinces of the Russian state, 1769 and 1770. Ch. 2. St. Petersburg: Type-I AN, 1772, 189 p.: apps. (In Russian)
19. Rychkov P.I. Topography of the Orenburg province. *Orenburg steppes in the works of P.I. Rychkov, E.A. Eversman, S.S. Neustruev*. Comp. F.N. Milkov. Moscow: Geographgiz, 1949, pp. 42–204. (In Russian)
20. Salnikov K.V. The most ancient monuments of the history of the Urals. Sverdlovsk: Sverdl. Region State Publishing, 1952. 160 p. (In Russian)
21. Smirnov A.P. Volga Bulgars. Proceedings of the State Historical Museum, Iss. 19. Moscow, 1951. 295 p. (In Russian)
22. Yumatov V.S. Ancient monuments on the land of the Bashkirs of the Chubiminska volost. *Orenburg Provincial Gazette*. 1848, no. 1–2, 5. (In Russian)
23. Yusupov G.V. Introduction to Bulgar-Tatar epigraphy. Moscow-Leningrad, 1960. 322 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гузель Фуадовна Валеева-Сулейманова – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: valeeva_art@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzel F. Valeeva-Suleimanova – Dr. Sci. (History of Arts), Chief Research Fellow of the Department of History of Religions and Public Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: valeeva_art@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 16.01.2024
Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2024
Принята к публикации / Accepted 04.03.2024